СТУДЕНТЪ, АРТИСТЪ, ХОРИСТЪ и АФЕРИСТЪ.

ОПЕРЕТТА

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Егоръ Ильичъ Служакинъ, маіоръ въ отставкѣ.

Наташа, дочь его.

Глафира Гурьевна, его родня, дѣвственница весьма почтенныхъ лѣтъ.

Аннета Штубе, компаньонка Наташи.

Ѳедоръ Николаевичъ Улитскій, чиновникъ губернскаго правленія.

Макаръ Губкинъ, студентъ, актеръ, хористъ и аферистъ.

Ѳома Силычъ, прикащикъ въ домѣ Служакина.

Дѣйствіе происходитъ въ Харьковской губерніи, въ помѣстьи Служакина.

ДѢЙСТВІЕ I.

Хорошо меблированная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ѳома (*входитъ*).

Какъ не такъ! Дожидайся! Да что я, въ самомъ дѣлѣ, за пугало воронье: куда ни ткнутъ, тамъ и торчи! (*передразнивая*) Та! та! та! Туда, сюда! На чердакъ, въ погребъ, въ дѣвичью, на кухню! помыкаетъ, вотъ словно походной кострюлькой! Баба-яга этакая! Добро бы еще баринъ! я его выпянчилъ, и въ походахъ съ нимъ маялся, и Парижъ-то вмѣстѣ брали... ужь куда бы ни шло; онъ же отецъ-командиръ мой и хлѣбомъ-солью кормитъ, и милостивымъ словомъ даритъ... А то, прости Господи! какая-нибудь Глафира Гурьевна! Эка штука! откуда выискалась? Что по французскому лепечетъ, такъ и забрала всѣхъ въ руки! Лёгко ли! Мы и не такихъ слыхали; да и тѣмъ спуску не было! И баринъ-то передъ ней словно флейтщикъ передъ барабанщикомъ, ни гугу! Да вѣдь голосиста, хоть кого перекричитъ! (*у окна*) Ба! вотъ и нашъ идетъ, и съ гостемъ! Слава тебѣ, Господи! авось хоть передъ постороннимъ угомонится. (*Распахиваетъ дверь и уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ II.

Служакинъ и Макаръ Губкинъ.

Служакинъ. Полноте, молодой человѣкъ! Мы люди деревенскіе! У насъ по-просту. Прошу не взыскать: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!

Губкинъ. Мнѣ право совѣстно, я по дорожному... ваше семейство...

Служакинъ. Бабьё, сударь, бабьё! Вы же, такъ сказать, изъ столицы, а столичный кавалеръ въ нашихъ сторонахъ залетная птица. Отвѣдайте щецъ деревенскихъ, да перемелемъ кое объ чемъ на закуску. Да; я еще не имѣлъ чести... какъ васъ зовутъ, такъ сказать?

Губкинъ. Макаръ Алексѣичъ Губкинъ.

Служакинъ. Губкинъ!... Алексѣевичъ! Да чтожъ это вы, такъ сказать, сродни выйдете Алексѣю Родіоничу Губкину, что служилъ въ Изюмскомъ и деревеньку имѣлъ въ нашемъ уѣздѣ?

Губкинъ. Немножко... онъ мой отецъ.

Служакинъ. Отецъ! Ахъ! мои батюшки! Позвольте обнять себя! Мы вѣдь старинные друзья. Онъ былъ лихой кавалеристъ! Штосикъ рѣзалъ, такъ сказать, чистенько. Я у него купилъ Жучку отъ Калипсы... чутье отличное... да выигралъ трехъ дворовыхъ... да, да, да, да! Хорошій человѣкъ! Отличнѣйшій! Да куда это онъ отъ насъ уѣхалъ?

Губкинъ. Къ предкамъ.

Служакинъ. А! въ дальнее имѣніе, видно въ Саратовъ?

Губкинъ. Въ Елисейскія поля.

Служакинъ. А! знать размежевываться по новому указу?

Губкинъ. Онъ умеръ.

Служакинъ. Вотъ-съ! Такъ на вѣчную стоянку, въ

зимнія квартиры. Жаль! Жаль! Отмѣннаго ума былъ помѣщикъ! А вы, такъ сказать, тоже въ отставкѣ?

Губкинъ. Да, теперь въ чистой.

Служакинъ. А служили также въ легкой, или въ пѣхотѣ?

Губкинъ. Въ легкой... потому, что служба была не трудная; и въ пѣхотѣ, потому что намъ не отпускалось экипажа.

Служакинъ. Какъ! То есть вы...

Губкинъ. Я актеръ и хористъ.

Служакинъ. Актеръ!... Актеръ! Сынъ георгіевскаго кавалера, капитана съ выслугой!... Актеръ!... Да это срамъ, такъ сказать! Позоръ дворянства и поношеніе рода человѣческаго! фи! фи! фи! Стыдно-съ! стыдно! стыдно!

Губкинъ. Помилуйте! Развѣ дарованіе и любовь къ благородному искусству не стоятъ чиновъ и выслуги?

Служакинъ. Краснѣть надо отъ этого званія!

Губкинъ. Я и то отъ него каждый вечеръ передъ поднятіемъ занавѣса замѣтнымъ образомъ краснѣю.

Служакинъ. И кто навелъ тебя на эту несчастную мысль?

Губкинъ. Влеченіе сердца и трансцендентальная философія.

(Арія изъ Іосифа).

Съ младенчества палящей страстью
Я былъ къ театру разогрѣтъ;
Меня жъ отецъ послалъ, къ несчастью,
Въ московскій университетъ!
Тамъ насъ ученостью кормили,
Но мнѣ горька была латынь;
И, полюбивши водевили,
Сказалъ я мудростямъ: *аминь!*

И поступилъ въ храмъ Таліи и Мельпомены.

(Баркарола изъ Фенеллы).

Сперва игралъ я все тирановъ
И самъ для всѣхъ тираномъ сталъ,
А послѣ слугъ, повѣсъ, буяновъ,

И гостемъ выходилъ на балъ...
Въ «Робертѣ» потомъ
Я сталъ королемъ!
О! тутъ я всѣхъ игрой изумилъ!
О! тутъ я былъ чрезвычайно какъ милъ!

Съ походною труппой я думалъ уйдти далеко, но не таково было назначеніе рока! Я надѣялся опутаться лаврами и утонуть въ золотѣ, а вышло все наоборотъ: я запутался въ долгахъ и не имѣлъ гроша въ карманѣ.

(Романсъ Алисы изъ Роберта.)
Когда я вступалъ на сцену,
Мнѣ директоръ предложилъ,
Чтобъ за вздорную имъ цѣну
Я лѣтъ десять прослужилъ!
Да какъ же такъ? *(сказалъ я)* «Да такъ же, братъ!» *(отвѣчалъ онъ)*
Вотъ тебѣ на!

Однако дѣлать было нечего: я пустился играть на пропалую!

Служакинъ. Но ты имѣлъ деревню, души?

Губкинъ. Я тогда былъ безъ души отъ актрисъ и театра. Отецъ мой умеръ во время моей студентской жизни. Это заставило меня бросить науки и заняться имѣніемъ.

Служакинъ. И ты началъ управлять...

Губкинъ. По новѣйшей системѣ и управился наилучшимъ образомъ: чрезъ полгода мнѣ не о чемъ было хлопотать.

Служакинъ. Понимаю: ты вѣрно поручилъ свои души хорошимъ прикащикамъ?

Губкинъ. Да; душеприкащикамъ моихъ доходовъ.

Служакинъ. Чтожъ ты, отпустилъ ихъ на волю, что ли?

Губкинъ. Почти что такъ: я ихъ спустилъ по волѣ судебъ. Театръ сталъ моею потребностію. Публика потчивала насъ апплодисментами, а директоръ питалъ надеждою: это такая пища, которую хорошо организованный желудокъ не варитъ. Я долженъ былъ играть Кассіо въ «Отелло»; но я въ тотъ день былъ жестоко голоденъ и удивительно настойчивъ: я требовалъ денегъ, мнѣ не давали, я не хо-

тѣлъ играть, режиссеръ сталъ передо мной разыгрывать козыря, я далъ ему туза...

И тогда изъ Кассія
Вышла катавасія,
Но весь кончился содомъ,
Какъ свели насъ въ частный домъ.

Будучи человѣкомъ публичнымъ, я терпѣть не могъ частныхъ домовъ: тотчасъ же потребовалъ отставки и удовлетворенія! Я не добился толку, а меня вытолкали вонъ.

Служакинъ. Это, такъ сказать, горестная исторія!

Губкинъ. И притомъ историческій фактъ! Съ горестью въ сердцѣ, съ пустотой въ желудкѣ, съ просторомъ въ карманахъ—я пустился въ Петербургъ. Ухъ! тутъ счастіе привалило! Меня сразу сдѣлали—хористомъ! и дали окладу—цѣлыхъ 300 рублей!

(Арія изъ «Фигаро»—Россини.)

Тутъ сталъ я не тотъ ужъ совсѣмъ человѣкъ!
Да!... Ла, ла, ла, ла!
Словно по маслу катился мой вѣкъ!
Да!... Ла, ла, ла, ла!
Нынче боринъ! Завтра татаринъ!
То распѣваешь! То вдругъ рыдаешь!
Нынче смѣешься! Завтра дерешься!
Или по сценѣ просто толчешься!
Будь рыболовъ!
Пой съ облаковъ,
Иль въ шапкѣ стальной
Шагай, какъ герой!
Пей вина, какъ лордъ!
Пой въ рупоръ, какъ чортъ!
Руками махай,
Да ротъ разѣвай!
Да смотри: не зѣвай!...
Не зѣвай! не зѣвай! не зѣвай!...
Не то... бѣда!
Хористъ всегда
Виновенъ!
Съ прекислою рожей
Онъ лѣзетъ изъ кожи...
И что же? О Боже!
Кричатъ на него же!

Ахъ! простите! пощадите!
Такъ осторожно
Пѣть невозможно!
Эй Губкинъ! — «Михайло Семенычъ!»
Эй Губкинъ! — «Александръ Иванычъ!»
Губкинъ здѣсь! — Губкинъ тамъ!
Губкинъ къ нимъ! — Губкинъ къ намъ!
Губкинъ вверхъ! — Губкинъ внизъ!
Губкинъ *do!* Губкинъ fis!
Губкинъ пей! Губкинъ — пой!
Губкинъ сядь! — Губкинъ стой!
Bravo bravissimo!
Bravo Макарушко!
Съ тобой не разстанемся цѣлый мы вѣкъ!
Ты просто для сцены лихой человѣкъ!

Служакинъ. Да ты, братъ, настоящій механикъ! Ха, ха, ха! Ну радъ, такъ сказать! Вижу, ты въ дѣйствительности на все собаку съѣлъ. Но скажи, пожалуй, какъ ты сюда попалъ?

Губкинъ. Мнѣ надоѣла мятежная жизнь хориста и я хочу перемѣнить ее на скромную долю копіиста, и ѣду въ Харьковъ... У меня тамъ товарищъ въ губернскомъ правленіи.

Служакинъ. Да съумѣешь ли ты взяться за приказныя дѣла?

Губкинъ. И взяться и взять съумѣю: только начни, а тамъ и концовъ не увидишь.

Служакинъ. Но скажи, молодецъ, гдѣ ты такъ лихо нахватался сельскаго хозяйства?

Губкинъ. На лекціяхъ, гдѣ читаютъ его съ разсужденіями по Канту и Шеллингу, и въ журналахъ, гдѣ пишутъ объ немъ безъ разсужденія.

Служакинъ. Ну, послушай же, любезнѣйшій! Я человѣкъ простой! служака! Объясняюсь, какъ съ души сорвется! Ты мнѣ нравишься. Останься у меня. Мы займемся вмѣстѣ домоводствомъ; 600 рублей въ годъ, на всемъ привольи. Винцо у насъ московское; свора ухарская... А? Какъ ты думаешь?

Губкинъ. За откровенность плачу откровенностью. Вы мнѣ тоже по душѣ, а остаться не могу.

Служакинъ. Почему такъ?

Губкинъ. Потому, что я, какъ рыцарь, странствую по свѣту и отыскиваю невѣсту.

Служакинъ. Ого! за этимъ дѣло не станетъ! У меня есть дѣвушка, свояченица, лѣтъ этакъ 48-ми, я тебя сразу женю.

Губкинъ. Чувствительно обязанъ! У меня ужь есть суженая.

Служакинъ. Кто такая?

Губкинъ. О! Это божественное созданіе! Дочь нѣмца кондитера! Онъ человѣкъ геніальный! Извѣстенъ цѣлому Петербургу — по слоенымъ пирожкамъ съ грибною начинкою! Онъ выстроилъ трехъ-этажный домъ изъ карамелекъ и миндальнаго тѣста, и все величіе Наполеона вылилъ въ бѣломъ леденцѣ! А дочь его... О, это сахарная куколка! Я не въ силахъ пересказать вамъ, какъ вкусна ея любовь! Всякій разъ, какъ мы видались, она дарила меня сладкимъ безе, или здобной оплеухой! Но вскорѣ судьба разорвала союзъ сердецъ! Къ намъ пріѣхалъ старый провинціалъ и отыскивалъ для своей дочери *мамзели*, которая въ случаѣ нужды могла бы быть и *мадамой*. Отецъ, варваръ, у котораго въ груди греческій орѣхъ въ сахарѣ вмѣсто сердца, отправилъ мое божество въ Харьковъ, а самъ такъ сильно предался вину, что умеръ отъ водяной!

Служакинъ. Ну, это дѣло поправное, такъ сказать! Суженую твою мы отыщемъ, а ты все-таки останься здѣсь! Дѣло кончено! Я самъ за это готовъ для тебя сдѣлать все, что захочешь, да что и толковать, я тебя не выпущу! Я выучу тебя экономіи.

Губкинъ. Ну, это будетъ не легко! Нѣтъ ужь лучше увольте... я непремѣнно долженъ...

Служакинъ (*идетъ на него, покручивая усы*). Что? что? что? Смирно! Ровняйся! Руки по швамъ! Грудь впередъ!

Глаза влѣво! Ни гугу!... (*уходя*) Ха! ха! ха! Что? Смотри: я поставлю тебя на военную ногу, и ты пойдешь у меня по стрункѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Губкинъ (*одинъ, стоитъ во фрунтъ*). Кажется, ушелъ? Онъ оставилъ меня одного на сценѣ съ монологомъ про себя. Хорошо! начнемъ съ команды! Вольно! Вотъ теперь я могу дѣйствовать. Остаться здѣсь? Сѣять свеклу, солить грибы, пить московское вино и жить по командѣ? Нѣтъ, слуга покорный! Однакожъ подумаемъ... Ба! да вотъ и трубка, и огниво, и всѣ препараты... затянусь, можетъ быть, это придастъ мнѣ рѣшимости...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Губкинъ и Аннета Штубе.

Аннета (*всторону*). А, вотъ онъ!... и одинъ... тѣмъ лучше! Разспрошу его: можетъ быть, онъ съ нимъ знакомъ... Позвольте васъ спросить...

Губкинъ (*бросаетъ трубку и охорашивается*). А! женскій голосъ! вѣрно хозяйка! Ну, Губкинъ! поэмабильнѣй, сдѣлай одолженіе! Я думаю къ ручкѣ всего лучше... (*подлетаетъ къ Аннетѣ*).

Аннета (*изъ «Швейцарскаго семейства»*).

Мой Боже!

Губкинъ.

Что я вижу?

Аннета.

Вѣрить я боюсь глазамъ!

Губкинъ.

Я своимъ не вѣрю самъ!

Аннета (*изъ «Оберона»*).

Макаръ Алексѣичъ!

Губкинъ.

Ты ль это, Аннета?

Аннета.

Откуда, голубчикъ?

Губкинъ.

Изъ шумнаго свѣта!

Вмѣстѣ (*изъ «Швейцарскаго семейства»*).

Опять я съ тобою, сердечный мой другъ!
Теперь исцѣлится душевный недугъ!

Губкинъ. Постой! постой! тутъ нужно очень чувствительное мѣсто! (*Становится въ позу*).

(*Изъ «Цампы»*).

Узнай, краса-дѣвица!
Ты всей души моей царица!

Аннета.

Забыта мной столица...
Но ты лишь, другъ, мной не забытъ!

Губкинъ. Спасибо! я вижу, твоя любовь не мороженое... она не растаяла.

Аннета. Но скажи мнѣ, ради Бога, какимъ манеромъ ты сюда попалъ?

Губкинъ. Самымъ простымъ и натуральнымъ.

(*Изъ «Волшебнаго стрѣлка»*.)

Дней невинныхъ наслажденій
Въ Петербургѣ я не зналъ!
Но мнѣ къ вамъ мой добрый геній
Путь съ обозомъ указалъ.

Ты видишь, что я ѣхалъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой... Ямщикъ сталъ кормить лошадей... а я пошелъ мечтать, разумѣется, о тебѣ... Въ полѣ попался мнѣ здѣшній помѣщикъ... я отпустилъ ему нѣсколько хозяйственныхъ фразъ, въ которыхъ не было смысла, онъ при-

нялъ ихъ за ученость и принялъ меня въ домъ. Ну, а ты что здѣсь подѣлывала, мой херувимъ?

Аннета (*Изъ «Прециозы»*).

Съ тайной скорбью, одиноко
Я вязала вамъ чулокъ!

Губкинъ.

Ты этимъ привязала меня на вѣки.

Аннета (*речитативъ изъ «Фенеллы»*).

Но увы! я была въ сомнѣньи!
Мой другъ! Всегда ль ты вѣренъ мнѣ?
Ты тамъ шалилъ и, говорятъ, въ забвеньи
Любилъ другихъ...

Губкинъ (*изъ «Волшебной Флейты»*).

Безданно лжетъ всегда молва!
Собачій лай — ея слова!

(*Изъ «Отелло»*).

А ты могла повѣрить?... О, фуй!
Чтобъ я сталъ лицемѣрить?!! О, фи!

(*Пантомима во время ритурнеля, потомъ*)

Оба вмѣстѣ.

О! какъ отрадно
Съ тобою вдвоемъ,
Другъ ненаглядный!
Мы заживемъ!

Губкинъ. Да какъ ты здѣсь похорошѣла! пополнѣла! Точь въ точь здобная пышка! Миндальные глазки, ликерный ротикъ и сахарная шейка! А! какова злодѣйка? — Однако, опиши мнѣ дѣйствующихъ лицъ здѣшняго дома! Это нужно для успѣха моей роли.

Аннета. О! они всѣ презабавны: старикъ...

Губкинъ. Мимо! Его ужь знаю.

Аннета. Его воспитанница: Глафира Гурьевна... Минерва 48 лѣтъ...

Губкинъ. Съ претензіями на молодость и красоту, какъ водится.

Аннета. И съ безнадежною страстью къ плѣнному французу, который былъ у нихъ въ домѣ гувернеромъ и потомъ ее бросилъ.

Губкинъ. И она вѣроятно отмщаетъ обиду на всѣхъ домашнихъ?

Аннета. Нѣтъ; на бѣдномъ французскомъ языкѣ, который коверкаетъ безпощадно.

Губкинъ. Ну, а слѣдующіе?

Аннета. Наташа, дочь Служакина, моя подруга, такая же страдалица, какъ и я: она любитъ молодаго человѣка, который служитъ въ губернскомъ правленіи, но старикъ не выдаетъ ее за него потому только, что онъ не былъ военнымъ и не занимался агрономіей.

Губкинъ. Стой! Счастливая мысль! Знаешь ли что? — Я сыграю здѣсь послѣдній мой дебютъ и кончу комедію по модѣ — свадьбой! А? — Какъ ты думаешь?

Аннета. Ахъ, еслибъ это удалось! Постой! Вотъ идетъ сама невѣста!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Наташа.

Губкинъ (*бѣжитъ къ ней на встрѣчу*). Сударыня! Честь имѣю рекомендоваться: я страшный повѣса и добрый малый; отличный артистъ, знаменитый пѣвецъ и мастеръ на всякое дѣло! А въ доказательство, я хочу васъ выдать замужъ за возлюбленнаго вами чиновника!

Наташа. Какъ! что это значитъ? Аннета! Неужели ты была такъ неосторожна... и постороннему...

Аннета. Погоди бранить! (*беретъ Губкина за подбородокъ*) Взгляни: узнаешь ли ты, кто это?

Наташа. Неужели твой Макарушко?

Губкинъ. Именно: Макарушко Губкинъ! Такъ меня называли всегда, когда хотѣли помазать по губамъ или натя-

нуть носъ, но дѣло не въ томъ. Я разыгрываю здѣсь свадьбу, сзываю гостей, везу васъ въ церковь, держу вѣнецъ и дѣлу конецъ!

Наташа. Ахъ! къ несчастію, это невозможно. Батюшка старъ и упрямъ, его нельзя склонить...

Всегда метчалъ онъ только объ этомъ,
Что счастье найду не съ кѣмъ я другимъ,
Какъ развѣ съ маіоромъ и даже съ корнетомъ,
Что только военный быть можетъ любимъ.
Женихъ же мой только коллежскій ассесоръ!
За умъ свой онъ всѣми въ правленьи почтенъ,
А батюшка думаетъ: будь онъ профессоръ,
А все въ полицейскихъ чернилахъ крещенъ!
И не велитъ онъ его мнѣ любить...
Но нѣтъ! но нѣтъ! ужъ этому вѣрно не быть!

Аннета.

Даже дѣвицъ, когда бъ онъ былъ въ силахъ,
Согналъ бы онъ вѣрно въ одинъ батальонъ,
Во фрунтъ бы построилъ солдатиковъ милыхъ,
И свой бы домашній завелъ гарнизонъ,
Онъ сталъ бы намъ дѣлать смотры и парады,
И маршемъ водилъ бы насъ, въ полной красѣ...
Шагать и ровняться, пожалуй, мы рады,
Но пушки не трогай: иль въ обморокъ всѣ!
Да это смѣхъ! ну гдѣ намъ служить?
Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! ужъ этому вѣрно не быть!

Губкинъ.

Зачѣмъ же нѣтъ? И даже въ столицѣ
У насъ есть большой и военный балетъ:
Тамъ маневрируютъ ловко дѣвицы —
Отъ сорока до пятнадцати лѣтъ!
Грозятъ всѣмъ улыбкой, стрѣляютъ глазами,
И мечутъ отлично ружьемъ артикулъ,
А если завидятъ мужчину съ усами,
Такъ дѣлаютъ тотчасъ ему на караулъ... (*Дѣлаетъ пируэтъ*).

(*Аннетѣ*). Сдѣлай одолженіе, спой за меня фермато. (*Аннета поетъ, Губкинъ цѣлуетъ у ней руки*) Мерсі!

У нихъ бы фельдфебелемъ славно служить! (*Аннета грозитъ, улыбаясь*).
Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! ужь этому вѣрно не быть!

Наташа (*бѣжитъ къ окну*). Кто-то пріѣхалъ? Боже мой! Это онъ!

Губкинъ. Онъ! Это значитъ въ переводѣ: женихъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Улитскій.

Улитскій (*вбѣгаетъ и цѣлуетъ руку у Наташи*). Ахъ, какъ я счастливъ! Узнайте: сейчасъ получена бумага изъ Петербурга: я произведенъ въ надворные совѣтники и сдѣланъ совѣтникомъ.

Наташа. Это военный чинъ?

Улитскій. Нѣтъ, гражданскій!

Наташа. Такъ что въ немъ толку! Папенька все-таки не выдастъ меня за васъ! Этакая жалость!

Губкинъ. А я вамъ говорю, что выдастъ!

Улитскій (*оборачивась къ нему*). Какъ! вы полагаете... Губкинъ! другъ! товарищъ!

Губкинъ. Улитскій! ты ли? Недаромъ же я взялся за это дѣло, мнѣ сердце говорило въ его пользу! Такъ это ты, несчастный селадонъ? Первый виртуозъ въ шалостяхъ и послѣдній студентъ на лекціяхъ! Судьба придавила тебя старыми шпорами, но ликуй и утѣшайся! Тебя спасутъ!

Улитскій. Кто?

Губкинъ. Я! — Не будь я Макаръ Губкинъ, если ты не будешь ея мужемъ, а старикъ моимъ рекрутомъ! Но кто-то идетъ?...

Аннета. Глафира Гурьевна!

Губкинъ. Браво! начнемъ съ нея! Со сцены, господа! Очищайте поле, занавѣсъ поднимается, комедія начинается; роль не тверда, авось сойдетъ съ рукъ: это и съ большими артистами бываетъ. (*Всѣ уходятъ въ боковую комнату*). Ну, Макаръ, не попади въ люкъ! Вѣдь это не Семирамиду спѣть, тамъ только ротъ разѣвай, а здѣсь, братъ, не зѣвай и держи ухо остро!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Губкинъ, Глафира Гурьевна, *толстая, старая дѣва, одѣтая по юношески, съ цвѣтами и огромной прической на головѣ.*

Губкинъ *(всторону)*. Что это! дыня въ женскомъ платьѣ!

Глафира Гурьевна *(присѣдаетъ очень низко и говоритъ жеманисто)*. Ахъ! mille pardons, monsieur! Я васъ заставила ждать. Но vous savez, хозяйка дома должна вездѣ jeter les yeux, теперь же мы варимъ варенье клубничное, такъ надо все тутъ быть, а то дѣвушки воруютъ пѣнки, а pour quoi терять, вы сами знаете, можно послѣ сдѣлать du квасъ клюковный.

Губкинъ. Совершенно справедливо. Я такъ счастливъ, madame...

Глафира Гурьевна. Mademoiselle — monsieur.

Губкинъ. Виноватъ: Mademoiselle! Я такъ счастливъ, что имѣю честь видѣть особу, о которой мнѣ такъ много говорилъ искренній мой пріятель Улитскій....

Глафира Гурьевна. А, Monsieur Oulitski! Возможно ли? Но онъ pre-grand насмѣшникъ! Онъ все надо мной мокируется.

Губкинъ. О, напротивъ, au contraire! Онъ отъ васъ безъ ума! Выхваляетъ вашу доброту, снисходительность, не говоря ужь о свѣжести лица и о прелестяхъ ума....

Глафира Гурьевна. Vraiment? Скажите какой притворщикъ! А я всегда думала.... Но, savez vous, въ немъ есть un terrible порокъ: онъ не любитъ французскаго языка.

Губкинъ. О, нѣтъ! онъ только застѣнчивъ немножко!

Глафира Гурьевна. Non! non! Онъ не чувствуетъ этой divine langue. А по мнѣ, кто его не чувствуетъ, тотъ animal sauvage! Потому, возьмите: всѣ французскія книги

на немъ сочиняются, и даже билетики на конфектахъ все французскіе, а онъ и въ альбомъ не умѣлъ мнѣ написать французскаго стишка! Хоть бы сказалъ:

Je vous aime,
Faites de même,
Tour à tour,
Vive l'amour!

И мало ли есть прелестныхъ стиховъ!

Губкинъ. Да, это правда! Но, впрочемъ тутъ есть маленькая хитрость: онъ влюбленъ въ Наталью Егоровну и, въ угоду ея батюшкѣ, притворился, что не понимаетъ la langue française.

Глафира Гурьевна. Est-il possible? скажите, а я всегда была индигнирована его кондюитомъ.

Губкинъ. Но вы такъ excellente и... и... formitable, что теперь вѣрно сдѣлаете ему grace и поможете жениться! *(Каватина изъ Роберта).*

O! grace! grace pour toi même!
Et grace, et grace pour lui!

Глафира Гурьевна *(всторону)*. Какой очаровательный adolescent! *(вслухъ)* O! pour sur я помогу ему! А я могу, знаете, когда захочу.

Губкинъ. Oh! Madame... Mademoiselle! хотѣлъ я сказать. (*Цѣлуетъ ея руку съ жаромъ*) Вы magnifique и magnanime?

Глафира Гурьевна (*всторону*). О какой baiser! точь въ точь мой милый Дюшельме, когда бывало играетъ со мной въ марьяжъ. (*Вслухъ*) Но позвольте васъ спросить.... Pardon, что я такъ либеральничаю: вы изволите servir въ столицѣ!

Губкинъ. Служилъ-съ.

Глафира Гурьевна. А какой emplacement?

Губкинъ. Корифеемъ.

Глафира Гурьевна. Qu'est-ce que cela Корифей?

Губкинъ. Корифей—это должность при театрѣ.

Глафира Гурьевна. А! это pour sûr важная должность? Вы инспирируете мнѣ большой интересъ.

Губкинъ. Корифей, это коли вы хотите, почти что.... Какъ бы вамъ сказать?... почти тоже, что хористъ! Это только другое названіе.... а дѣло тоже самое и жалованье тоже. Я былъ вторымъ теноромъ, а когда нужно, и вторымъ басомъ.

Глафира Гурьевна. Ахъ! c'est extraordinaire! Но я все еще не понимаю, въ чемъ состояла ваша должность?

Губкинъ. Я объясню вамъ все въ подробности, если угодно. Хористъ есть существо, которое, за весьма умѣренную плату, обязано каждый вечеръ, въ массѣ или поодиночкѣ, кричать, шумѣть, преслѣдовать порокъ, награждать невинность и защищать добродѣтель.

Глафира Гурьевна. Это, comme въ романахъ Мосье Дюкре-дю-Мениля?

Губкинъ. Да, да; это очень романическое званіе. Чѣмъ больше онъ оретъ и буянитъ, тѣмъ больше ему платятъ жалованья.... Онъ умѣренъ, ходитъ пѣшкомъ, тогда какъ другіе ѣздятъ въ каретахъ; русскій человѣкъ въ душѣ: ѣстъ щи да кашу, потому что устрицъ купить не на что; веселъ, забавенъ, поетъ пѣсни, хоть на душѣ скребутъ кошки, но никакъ не можетъ войти въ тѣло, потому что безпрестанно лѣзетъ вонъ изъ кожи.

(*La Folie изъ Густава III.*)
Весело, радостно,
Пламенно, сладостно
Вѣкъ проводитъ свой хористъ!
Здѣсь обѣдъ, тамъ вино!
Но оно не пьяно:
Лучше,—голосъ будетъ чистъ!
Какъ мы учимъ наши роли,
Какъ намъ хлопаетъ партеръ,
Нашей жизни, нашей воли,
И нерѣдко жалкой доли,
представлю вамъ примѣръ!

Возьмемъ хоть оперу Робертъ. Дѣйствіе первое, сцена первая. Вотъ здѣсь.... Сядьте, сдѣлайте одолженіе.... вотъ

здѣсь сидитъ Робертъ-діаволъ — это вы. Онъ невеличка, кругленичка, съ довольно толстенькой фигурой и весьма жидкимъ голоскомъ.... а вотъ здѣсь.... это мы, все ребята дюжіе, взрачные, мы рыцари. Мы сидимъ въ живописномъ положеніи, т. е. иной на столѣ, другой за столомъ, иной такъ, другой этакъ. У всѣхъ въ рукахъ кубки, разумѣется, пустые, иногда съ медомъ или квасомъ, какъ случится.... Мы поемъ пѣсенку.... Надо вамъ сказать, что мы всѣ хорошо вооружены: въ кольчугахъ изъ мишурныхъ нитокъ и съ жестяными мечами. И такъ мы поемъ:

*(Первый хоръ изъ Роберта *).*

Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
Для ра, для ра, для радости пожить!
Другимъ, другимъ, другимъ мы предоставимъ
Безъ го, безъ го, безъ горя вѣкъ тужить!

Пока мы такъ прохлаждаемся, приходитъ Рембо и поетъ намъ пѣсенку, съ большимъ трудомъ и удивительными чудесами. Онъ намъ говоритъ, что Робертъ злой духъ. Но мы люди умные, знаемъ, что онъ нарочно, не вѣримъ ему и, покачиваясь съ ноги на ногу, поемъ:

Надъ пѣсней какъ не посмѣяться?
Онъ былъ злой духъ?

По Робертъ совсѣмъ не смѣется; напротивъ, онъ ужасно обидѣлся, что его назвали чортомъ, и говоритъ, взъерошивая себѣ хохолъ: «*Замолчи, дерзновенный вассалъ, ты предо мной! Я, я, я Робертъ!*» Тутъ всеобщая картина изумленія! Мы разѣваемъ рты, вытаращиваемъ глаза и взмахиваемъ руками, вотъ такъ: *Робертъ!...* Это означаетъ удивленіе. Но тутъ вбѣгаетъ Алиса, очень хорошенькая дѣвочка съ ридикюльчикомъ на поясѣ. Мы всѣ къ ней и начинаемъ ее тормошить: одинъ тянетъ ее сюда, другой туда.... Алиса кричитъ:

---

*) Всѣ слова, приведенныя здѣсь изъ Роберта-Діавола, заимствованы изъ с.-петербургскаго перевода этой оперы.

Ахъ! Ради Бога! Ахъ, пощадите!
Ахъ! куда ведете вы меня!

А мы:

Какъ хороша! ахъ! посмотрите!

Алиса:

Ахъ! Сжальтесь! сжальтесь! пощадите!

А мы опять:

Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ! Слезамъ твоимъ.... нѣтъ! нѣтъ

«Однако полненекъ театръ.»

Слезамъ твоимъ не внимаемъ.

«Какъ ты думаешь, много ли сбору»?

Ему мы на тебѣ отмщаемъ.

«Да, за двѣ! (1000) Меньше!—А по твоему? — Полторы!

Мнѣ дали мстить ему обѣтъ!

Но тутъ вступается за нее Робертъ, засучиваетъ кулаки и говоритъ, чтобъ мы убирались вонъ.... Мы конечно не показываемъ вида, что струсили, однако отступаемъ на три шага и дѣлаемъ мину скрытаго негодованія... Это дѣлается вотъ какимъ манеромъ: лѣвая нога впередъ, а правая занесена назадъ, одна рука въ бокъ, а другая въ граціозно-отвисломъ положеніи — видите?... Потомъ мы поемъ:

Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ....

Но тутъ Робертъ говоритъ: *Кто осмѣлится нанесть ей обиду, тотъ погибнетъ отъ руки моей!* Рука у него тяжелая, погибать мы не хотимъ, и такъ поемъ:

Друзья, скорѣй отсель удалимся.

Медленный шагъ. *«Что ты лѣзешь впередъ, Червинъ? Смотри, совсѣмъ съ ногъ сбилъ Леонова».*

Умѣримъ гнѣвъ напрасный свой!

Умѣряемъ гнѣвъ, опуская руки и повѣся носъ. *«Ивановъ, полно толкаться: я вѣдь пожалуюсь; смотри и такъ ужъ капельмейстеръ сердится.»*

Сюда мы послѣ возвратимся.

Мы удаляемся медленно, влача ногу за ногу.

Къ чему—разъ, два, три—вступаться —
Разъ, два, три, намъ въ споръ — разъ, два, три,—пустой!
Умѣримъ гнѣвъ напрасный свой.

Потомъ, разумѣется, мы возвращаемся и отмщаемъ за себя молодецки. Робертъ говоритъ: *Зачѣмъ таскать повсюду ненужную посуду?...* и начинаетъ играть въ пасъ-дисъ. Мы выигрываемъ у него нѣсколько ящиковъ, оклеенныхъ золотой бумагой и всѣ жестяныя деньги, которыя при немъ находятся.

Глафира Гурьевна. Изумительно!

Губкинъ.

Весело, радостно.
Пламенно, сладостно,
Вѣкъ проводитъ свой хористъ!
Здѣсь обѣдъ, тамъ вино,
Но оно не пьяно....
Голосъ вѣрно будетъ чистъ!
Но довольно объ актерахъ,
Я вамъ скуку ужь навелъ,
И я вижу въ вашихъ взорахъ,
Вы хотите знать, какъ въ хорахъ
Нашъ играетъ нѣжный полъ?

Извольте. Тотъ же Робертъ. Второй актъ. Сцена вторая. Принцесса Изабелла одна. Она тоскуетъ, что ее выдаютъ за какого-то принца, а ей смерть какъ хочется выдти за Роберта. Приходитъ толпа молоденькихъ крестьянокъ, по большой части лѣтъ, этакъ, 39-ти. Онѣ становятся на колѣна, въ рукахъ у нихъ просьбы, т. е. свернутыя бумаги, на которыхъ ничего не написано. Онѣ поютъ:

Въ судьбѣ ужасной
Быть для несчастной
Надеждой ясной
Въ власти твоей!
Въ судьбѣ ужасной....

А вонъ мой! — «*Гдѣ?*»

Быть для несчастной....

«*Въ третьемъ ряду, съ усиками.*»

Надеждой ясной....

«Да вѣдь у тебя другой?»

Въ власти твоей!

«То такъ; а это настоящій!»

(*Изабелла*).

Ахъ, Робертъ! Ахъ, Робертъ!
Предметъ любови страстной!
Робертъ! мой другъ прекрасный!

«Аннушка! Куда вы все суетесь не на свое мѣсто? здѣсь прилично стоять молодымъ дѣвушкамъ:»

Приди, приди, Робертъ!

«Вотъ еще! Я двадцать лѣтъ стою на этомъ мѣстѣ — все молодой дѣвушкой!»

Ты намъ надеждой ясной...

«Да ты что здѣсь за укащица?»

И для судьбы несчастной...

«А то, что скажу мосье Кавосу!»

Въ душѣ твоей прекрасной...

«Легко ли! боюсь я твоего Кавоса! Дура глупая!»

Есть сожалѣнья гласъ!

«На себя взглянула бы: сама-то что за филя?»

Глафира Гурьевна. Magnifique! Отлично мило!

Губкинъ.

Весело, радостно,
Пламенно, сладостно,
Вѣкъ проводитъ свой хористъ.
Все попойки, да вино,
Хоть оно и не пьяно —
За то голосъ будетъ чистъ,
Вотъ какъ наша жизнь проходитъ!
Каждый вечеръ, круглый годъ,
Хоръ нашъ воетъ, колобродитъ,
И хоть счастье за носъ водитъ, —
А онъ все себѣ поетъ!

Глафира Гурьевна. C'est extraordinaire! Но скажите: это все изъ «Днѣпровской Русалки»?

---

*) К. Кавосъ, бывшій директоръ музыки Им. театровъ.

Губкинъ. Нѣтъ, это все изъ новой оперы

Глафира Гурьевна. C'est à dire: изъ девятой части Русалки?

Губкинъ. Да, около этого.

Служакинъ *(за сценою)*. Неси, братецъ, проворнѣй! что плетешься, какъ черепаха!

Губкинъ. Это г. Служакинъ!... Минута настала! Я буду просить его за молодыхъ людей.... И вы, добродѣтельная душа, вы femme abominable.... Охъ! aimable, хотѣлъ я сказать.... пособите мнѣ вашимъ участіемъ, вашими милыми рѣчами, вашей властью.... словомъ, всѣми силами тѣлесными и душевными!

Глафира Гурьевна. Вы мнѣ пришли по нраву: vous me venez par caractère.... и я все обработою.... mettez vous tout à-fait sur moi.... положитесь на меня совершенно! я имѣю большой вѣсъ—j'ai un grand poit....

Губкинъ *(всторону)*. Сороковой бочки, покрайней мѣрѣ.... *(вслухъ)* Oui! oui! Comment donc!

Глафира Гурьевна (*всторону*). Преэмабильный молодой человѣкъ! И какая прелестная пропонсіація.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Служакинъ, *за нимъ* **Ома** *несетъ наливки и закуски и ставитъ все на столъ.*

Служакинъ. Браво! лихо! мой гость въ сантиментальныхъ экскузаціяхъ съ Глашенькой! Спасибо, душа! что позаняла его! Ну, сударь, отвѣдай-ка нашей наливочки! домашняя, отецъ мой, а похвастать можно.... да и закусимъ кстати. Прошу покорно! Малой! стульевъ.... (*всѣ садятся*) А знаешь ли, любезнѣйшій, какое я получилъ великолѣпное извѣстіе и, такъ сказать, приглашеніе?

Губкинъ. Не знаю, я думаю, что magnus rustrorum prefex....

Служакинъ. Эй, стой! Уговоръ! У меня французскихъ фразъ не отпускать....

Глафира Гурьевна. Французскихъ! Какое невѣжество! Развѣ ты не слышишь, что они говорятъ по англійски?

Губкинъ. Я сказалъ, что вѣроятно вашъ староста....

Служакинъ. Именно. Онъ привезъ мнѣ, такъ сказать, письмо. Старый сослуживецъ, Рюстихъ, Адамъ Карлычъ, пишетъ, что у нихъ въ Харьковѣ составилось ученое общество по части человѣколюбія, и меня приглашаетъ въ почетные члены... Хоть я не больно люблю ученыхъ людей, но ужъ въ обществѣ, такъ сказать, почетнымъ нельзя не быть.

Губкинъ (*поднимая рюмку*). Честь имѣю поздравить!

Служакинъ. Спасибо! — А какова рябиновка?

Губкинъ. Отличная, крѣпонька!

Служакинъ. Теперь попробуй-ка этой малиновки, она очиститъ тебѣ голосъ... пѣвцу препользительный напитокъ.

Губкинъ. Боюсь только: какъ бы отъ малиновки не запѣть перепелкой.

Служакинъ. Ничего! Мы не взыщемъ! Я вотъ и самъ, видишь ли....

Глафира Гурьевна (*удерживая его*). Егоръ Ильичъ! что ты это, батюшка! Опомнись, mon pigeon!... Чему обрадовался?

Служакинъ. А вотъ тому, что опять увижусь съ Рюстихомъ.... Съ 15-го года не видались! Послѣ кампаніи— я тотчасъ въ деревню и пошелъ свеклу сажать.... а онъ, нѣмецъ аккуратный, служилъ, да служилъ, да прислуживалъ.... а вотъ теперь прошу покорно, рукой не достанешь, смотритель училищъ.... Вотъ другой поди. Онъ теперь ѣдетъ сюда.... пишетъ, чтобъ я ждалъ его съ часа на часъ.

Губкинъ. Послушайте, Егоръ Ильичъ!... Чокнемся!.., Вы мнѣ сказали давича, что все сдѣлаете, чего бы я у васъ ни попросилъ, если я рѣшусь остаться въ вашей деревнѣ....

Служакинъ (*протягивая руку*). Солдатское слово: не отступлюсь!

Губкинъ. Извольте, остаюсь; только выдайте дочь вашу за Улитскаго.

Служакинъ (*вскакивая*). Что? что? какъ такъ? Да я вижу тутъ шашни? Нѣтъ, шалишь, рекрутъ, стараго капитенармуса не надуешь! Чтобъ я, маіоръ съ мундиромъ, выдалъ дочь свою за приказную строку?... Господи Боже мой! да будь она съ версту, такъ не смѣняю ее съ юнкерскимъ тесакомъ! Я далъ слово, что Наташа будетъ за военнымъ, и сдержу.

Глафира Гурьевна. Но онъ теперь сдѣланъ conseillier de cour.

Служакинъ. Чѣмъ бы ни былъ сдѣланъ, а все же не военный! Не нашъ братъ, прокопченный въ порохѣ! Онъ не плясалъ Тарутинской барыни, подъ пушечные аккорды, не проученъ въ парижскихъ магазинахъ! Онъ славный малый, объ этомъ я ни слова, и отпусти только усы, да надѣнь лямку, я ему Наташу, съ руками и ногами, такъ сказать....

Губкинъ. Вы любите откровенность?

Служакикъ. Люблю!

Губкинъ. Такъ слушайте жъ: вы варваръ! тиранъ! чудовище!

Служакинъ. Послушай....

Губкинъ. Не прерывайте: чудовище! злодѣй! палачъ! извергъ рода человѣческаго! Безъ души, безъ сердца, безъ....

Служакинъ. Чай безъ головы?

Губкинъ. И безъ головы! пожалуй! Да! Ну гдѣ тутъ смыслъ, скажите, ради Бога! не выдавать дочь за достойнаго, прекраснаго человѣка, потому только, что онъ не въ эполетахъ.... Когда бъ еще былъ на лицо другой женихъ, военный.... а то нѣтъ! Все изъ одного пустаго, глупаго каприза....

Служакинъ. Слушай, другъ! ты не грубіянь, пожалуйста! Я и самъ знаю, что глупо, да дѣлать-то нечего: далъ слово!

Губкинъ. И что за важность! слово! слово! Это просто упрямство и стоитъ только похитрить немножко, такъ васъ тотчасъ поддѣнешь на это слово.

Служакинъ. Ой-ли?—Ахъ! чортъ побери! Онъ хочетъ меня перехитрить! Посмотримъ! Давай его сюда! Такъ слушай же, если ты меня въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ поддѣнешь на какую нибудь штуку и заставишь подписать рядную съ Улитскимъ.... такъ вотъ тебѣ рука.... выдамъ Наташу за кого хочешь!

Губкинъ. Кончено! Ура! (*Оба пьютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Улитскій и Наташа.

Наташа. Ахъ! папенька! вы возвращаете мнѣ жизнь!

Улитскій. Вы даете мнѣ надежду на счастье!

Служакинъ. Ба! да и онъ здѣсь! Откуда явился?

Наташа. Мы были въ гостиной и слышали весь вашъ разговоръ.

Служакинъ. Плутовской народъ, влюбленные! Ну, ну, что съ вами дѣлать—коли онъ меня проведетъ, такъ я васъ сведу и квитъ. Поздравляю, пріятель, съ Царскою милостію. Выкушай наливочки! Чокнемся да обнимемся, а дочери тебѣ все-таки не видать, какъ своего затылка.... Ну, ну, не хныкать.... Меня этимъ не проймешь! Полно, сударыня! полно, смирно! говорятъ, полно!

Наташа. Ахъ, тётинька! какъ я несчастлива!

Глафира Гурьевна. Поди ко мнѣ, mon enfant. Tombez sur ma poitrine! Не плачь!... О, безчеловѣчный!

Губкинъ. Взгляните на эти слезы, жестосердый маіоръ въ оставкѣ, это драгоцѣнные перлы....

Служакинъ. Пой себѣ. Мы вѣдь знаемъ: женскія сле-

зы—огуречный разсолъ.... онъ у насъ ни почемъ. Такъ вы, почтеннѣйшій, будете пока, такъ сказать, женихъ безъ невѣсты, а ты невѣста — безъ мѣста, а тамъ, что Богъ дастъ. Но дружба дружбой, мы всѣ будемъ поигрывать въ мушку.

Губкинъ (*въ продолженіи всей этой сцены говоритъ тихо, но съ большимъ жаромъ, съ Аннетой*). И такъ, дорогой хозяинъ, прощайте! Я тороплюсь! Хочу еще нынче въ ночь поспѣть въ Харьковъ — и велѣлъ ужь готовить почтовыхъ.

Служакинъ. Такъ ты точно ѣдешь? Надолго ли?

Губкинъ. Черезъ восемь недѣль буду здѣсь.

Служакинъ. Инъ съ Богомъ! удерживать не смѣю! Только захвати, пожалуйста, эту бутылочку, да помни уговоръ.

Губкинъ. Прикажите вашему Ѳомѣ меня проводить, онъ поможетъ мнѣ уложиться.

Служакинъ. Изволь!

(*Финалъ изъ «Прерваннаго жертвоприношенія»*).

Всѣ.

Такъ и быть, поѣзжайте,
Только насъ не забывайте,
И васъ любящихъ друзей
Навѣстите поскорѣй!

Глафира Гурьевна.

(*Французская пѣсня.*)

Ахъ! mon coeur palpite
De vous dire: adieu!

Губкинъ.

Я спѣшу très vite,
Чтобъ поспѣть на lieu.

Глафира Гурьевна и Улитскій

(*Изъ «Волшебной флейты»*).

Счастливый путь!

ГУБКИНЪ.

Благодарю!

ГУБКИНЪ *(Наташѣ)*.

(Изъ „Язонда“).

Не сердитесь, ради Бога,
Что я слова не сдержалъ!

НАТАША.

Кто надѣялся немного,
Тотъ немного потерялъ!

ГУБКИНЪ *(указывая на себя и Аннету)*.

(Изъ „Каменьщика“).

Не крушитесь и надѣйтесь!
Близки вѣрные друзья!

(Слышенъ вдали колокольчикъ).

ГУБКИНЪ.

(Изъ „Невѣсты“).

Чу, зазвенѣлъ!—Ямщикъ лихой
Мнѣ заложилъ тройку лихую.
Мы запоемъ хоръ удалой,
Да и катай — на пропалую!

ВСѢ.

Чу, зазвенѣлъ! и такъ пора!
Хотя и жаль намъ съ вами проститься!
Мы вамъ желаемъ счастья, добра,
Жить не тужить и кстати нажиться.

ГУБКИНЪ *(адскій вальсъ изъ «Роберта»)*.

Спѣшу на почтовыхъ я въ Харьковъ отсель,
И буду къ вамъ снова чрезъ восемь недѣль.

ВСѢ.

Вамъ отпускъ даемъ мы на маленькій срокъ:
Скорѣй посѣтите — вы нашъ уголокъ!

СЛУЖАКИНЪ.

Ты, другъ, мнѣ по праву!
Вернись, и вдвоемъ
Съ тобою на славу
Опять куликнемъ.

Всѣ (*кромѣ Губкина*).

И такъ прощайте!
Поѣзжайте!
Поминайте
Насъ добромъ!
Обѣщанье
На свиданье
Вы намъ дали,
Чтобъ мы ждали
Васъ всечастно —
Непапрасно!

Губкинъ.

Вашихъ ласкъ я не стою,
Но за то всей душою
Вамъ преданъ навсегда.
Когда-жъ вернусь сюда
Я это докажу:
Всѣмъ порознь удружу!

(*Губкинъ обнимается съ Служакинымъ, пожимаетъ руку Улитскаго и подходитъ къ дамамъ къ ручкѣ. Всѣ его провожаютъ*).

ДѢЙСТВІЕ II.

Хорошенькій павильонъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аннета (*одна, перешиваетъ военный сюртукъ*). Не понимаю, что мой повѣса затѣялъ! Онъ велѣлъ мнѣ перемѣнить воротникъ на старомъ сюртукѣ Служакина и вложить подъ подкладку двѣ подушки. Вотъ мундиръ и готовъ: а что изъ него выйдетъ, Богъ знаетъ. Но я знаю Макара: онъ премилый шалунъ! Ахъ! какъ я его люблю! Хоть онъ немножко вѣтренъ... ну, да это ничего. Говорятъ: женишься — перемѣнишься!

Мнѣ твердили не разъ,
Чтобы я береглась
Актеровъ искусства:
Въ нихъ ложныя чувства!
Любовь ихъ чума!
Они по ролямъ
Изъ оперъ и драмъ
Насъ сводятъ съ ума.

*

Но сердце въ укоръ
Твердитъ: это вздоръ!
Актеры навѣрно
Васъ любятъ примѣрно!
Уча наизусть
И радость и грусть,
Любовь каждый день
Твердить имъ не лѣнь!

*

Сценическій жаръ
Сберегъ мой Макаръ —
И врядъ ли забылъ,
Какъ на сценѣ любилъ.
Пускай же онъ мнѣ
Повторяетъ вполнѣ,
Что актрисамъ онъ тамъ
Говорилъ по ролямъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Аннета и Губкинъ (*выглядываетъ въ дверь*).

Губкинъ. Ты одна? можно войти?

Аннета. Можно! можно! Только скажи мнѣ скорѣй, что ты хочешь дѣлать?

Губкинъ. Что я хочу дѣлать? (*запирая дверь на замокъ*) Въ первый разъ передъ тобой запереться!

Аннета. Нѣтъ, Макарушко! скажи, пожалуйста!

Губкинъ. Неужели ты сама еще не догадалась? Хочу разыграть Адама Карлыча Рюстиха.

Аннета. Но тебя узнаютъ.

Губкинъ. Не безпокойся: мнѣ это ни-почемъ. Впрочемъ всѣ мѣры приняты: по этому мундиру и парику съ усами, который у меня въ чемоданѣ, Служакинъ не узнаетъ меня, а по мелкимъ свѣдѣніямъ, которыя я пріобрѣлъ отъ Ѳомы за мелкую монету, онъ узнаетъ во мнѣ своего сослуживца. Тутъ бойкая встрѣча, веселая попойка, хмѣлекъ въ головѣ—и дѣло въ шляпѣ. Но оставимъ это! Поговоримъ лучше о нашихъ счастливыхъ дняхъ въ столицѣ.

Аннета. О! Они никогда не выходятъ у меня изъ памяти. Въ особенности первая встрѣча и знакомство.

Губкинъ. Ахъ, да! Это было въ танцклассѣ. Очаровательный вечеръ!

Аннета. А помнишь ли, какой ты былъ несносный? Только объяснился и ужь вздумалъ ревновать....

Губкинъ. Ахъ, да. Къ аптекарскому ученику, съ красными щеками, рыжимъ хохломъ и оловянными глазами!

Аннета. Онъ выкидывалъ такія штуки ногами....

Губкинъ. И раздушился анисовымъ масломъ.... Какъ, бишь это было? Ты сдѣлала ему глазки.... онъ развѣсилъ губы.... а я натянулъ ему носъ.... и дѣло дошло было....

Аннета. А я такъ испугалась! Думаю себѣ: Mein Gott! Mein Gott! Чѣмъ это кончится?

Губкинъ. За то какъ было весело! Какъ теперь помню: я вхожу, играютъ польскій: я охорошился, вставилъ себѣ лорнетку въ глазъ и гоголемъ пробѣжалъ по всей залѣ. Вдругъ смотрю: ты стоишь у зеркала! Ахъ! чортъ возьми! сказалъ я, какая душечка! тотчасъ же натянулъ перчатки и подлетѣлъ тебя ангажировать. *(Подходитъ манерно къ Аннетѣ.)*

(Польскій.)

Губкинъ.

Сударыня когда свободны,
На польскій смѣю ль васъ просить?

Аннета.

Какъ будетъ маменькѣ угодно,
Ее извольте вы спросить.

Губкинъ *(садится на стулъ и передразниваетъ старуху нѣмку).*

Пожаль, танцуйтъ! Аберъ сторожно,
Не горячильсъ, ундъ галтъ дихъ градъ!

(Своимъ голосомъ, вставая.)

О горячиться тутъ не можно....

Аннета.

Дасъ истъ я нуръ ейнъ променадъ.

(Они идутъ.)

Аннета.

Какъ много дамъ здѣсь и гостей....

ГУБКИНЪ *(дѣлая ей глазки).*

Но лишь одна ихъ всѣхъ милѣй....
Увы, намъ врозь придется танцовать!
Но тамъ, въ дверяхъ, столкнемся мы опять.

(Одинъ.)

Ба! это что за косолапый франтъ
Предъ ней юлитъ, какъ мыльный фрабикантъ?

(Опять сходятся.)

И такъ опять имѣю счастье
Владѣть рукой, приличной королю.

АННЕТА.

Благодарю васъ за участье,
Но комплиментовъ не люблю.

ГУБКИНЪ *(сантиментально).*

Ахъ! еслибы судьбы судили,
Чтобъ цѣлый вѣкъ мы въ Польскомъ шли....

АННЕТА *(иронически).*

Боюсь, меня бъ вы заводили,
А можетъ быть, и провели.

ГУБКИНЪ *(отводитъ ее на мѣсто).* Тутъ Польскій кончился, но я тотчасъ же ангажировалъ тебя на слѣдующій вальсъ.

АННЕТА. А муттерхенъ меня подозвала къ себѣ, пригладила волосы и шепнула: «будь поласковѣй съ этимъ мусье, это вѣрно чиновникъ иностранныхъ дѣлъ: у него французскія перчатки и голландское бѣлье.» Но тутъ заиграли вальсъ Страуса, и мы пошли.

ГУБКИНЪ *(вальсируя).*

Ахъ! какое наслажденье,
Въ нѣжномъ, страстномъ упоеньи
Съ милой Граціей порхать,
Станъ рукою обвивать!

АННЕТА.

Ахъ! не могу... Устала я....
Здѣсь на стулъ посадите меня.

(Губкинъ сажаетъ ее на стулъ.)

Губкинъ.

Извольте сѣсть! я подлѣ васъ,
Чтобъ не сводить съ васъ жадныхъ глазъ.

(Облокачивается на ея стулъ. Послѣ короткаго молчанія:)

Вы убраны, точно какъ Флора
Рукою искусной куаферъ!

Аннета.

Меня причесалъ самъ Фаге;
Онъ на короткой съ нами ногѣ.

(Они еще разъ вальсируютъ, Губкинъ доводитъ ее до мѣста и раскланивается.)

Губкинъ. Вотъ тутъ-то началась несчастная французская кадриль, въ которой вышла исторія съ аптекарскимъ ученикомъ. Я просилъ тебя... ты мнѣ отказала....

Аннета. Да, я очень устала....

Губкинъ. А между тѣмъ пошла съ другимъ и стала vis-à-vis со мной! Проклятый аптекаришка это замѣтилъ и, стоя въ другой кадрили, спина объ спину со мною, началъ строить гримасы и ухмыляться.

(Французская кадриль изъ Цампы.)

Губкинъ *(chassé en avant)*.

Вы, сударыня, устали,
(chassé en arrière)
И затѣмъ мнѣ отказали?

Аннета *(тоже)*.

Но мнѣ муттерхенъ опять
Съ нимъ велѣла танцовать!

Губкинъ.

(chassé à droite)

А аптекарю потѣха!
(chassé à gauche)
Я лишь сдѣлай антраша...
(traversé)
чуть держится отъ смѣха
Въ немъ микстурная душа!

(balancée)

Посылаетъ вамъ улыбки
Этотъ дерзостный нахалъ...

(demihêne на мѣсто)

Только какъ бы по ошибкѣ
Я его не приласкалъ.

(во время соло Аннеты)

И хоть съ нею онъ давно,
Какъ мнѣ кажется, знакомъ,
Для меня вѣдь все равно:
Я не буду дуракомъ.

(продолжаетъ танцовать)

Только дай оттанцовать
И его, клянуся,
Я заставлю поплясать,
Толкомъ разочтуся.

(нарочно толкаетъ спиною стулъ и оборачивается)

Вы меня, сударь, толкнули!

(другимъ голосомъ)

Что-жъ за важность, такъ и быть.

(своимъ голосомъ)

Но отъ васъ, сударь, пилюли
Не хочу я проглотить!

(другимъ голосомъ)

Не хотите! Ну, такъ чтоже?

(своимъ голосомъ)

Береги свой а-ла-кокъ!
Вашу братью бьютъ по рожѣ...

(перемѣняя голосъ)

Ну, потише, мой дружокъ!

Быстро танцуетъ всѣ фигуры, и въ бѣшенствѣ оборачивается и мѣняетъ голоса. Аннета съ безпокойствомъ старается его удержать и все танцуетъ).

Я учить васъ старый мастеръ!
Дураковъ я не терплю!
Погоди-жъ, тебѣ я пластырь
Послѣ въ спину залѣплю!

(Оба останавливаются и хохочутъ.)

Вмѣстѣ.

Ахъ! какъ весело подчасъ
Вспоминать тревоги бала,
Что растрогивало насъ
И что столько насъ плѣняло.

(Оканчиваютъ галлопадомъ. Онъ сажаетъ ее на мѣсто.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Улитскій *(стучится въ дверь)*.

Губкинъ. Кто-то стучитъ.... *(смотритъ въ щелку)*. А, это наши. *(Отпираетъ)* Ну, братецъ, какъ идутъ дѣла?

Улитскій. Какъ нельзя лучше. Старикъ ничего не подозрѣваетъ и готовитъ своему другу великолѣпный пріемъ.

Губкинъ. Тѣмъ лучше. И у меня все готово. Парикъ и бакенбарды изъ чемодана вынуты, мундиръ сшитъ, румяна и краски подъ рукой, стоитъ только выйти на сцену и начать комедію.

Улитскій. А я приготовилъ бумагу, вотъ она.

Губкинъ. Безподобно! Старикъ Ѳома выболталъ мнѣ всю подноготную: разсказалъ мнѣ про всѣ барскія походныя проказы... и я даю голову въ поруки, что дѣло пойдетъ на ладъ. И такъ...

(Изъ «Невѣсты».)

Маршъ впередъ! Маршъ впередъ!
Да только осторожно....

(Всѣ уходятъ.)

ПЕРЕМѢНА.

Комната 1-го дѣйствія. Въ глубинѣ накрытый столъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Служакинъ и Ѳома *(со множествомъ бутылокъ въ корзинѣ)*.

Служакинъ *(весьма навеселѣ)*. Вотъ такъ-то! Строй батарею на столѣ! Мы будемъ дѣйствовать какъ въ военное

время, только съ маленькой разницей: мы ее сперва выпьемъ, а потомъ разобьемъ. Ну что, старая крыса, чай радъ, что увидишь своего командира?

Ѳома. Какъ же, ваше высокоблагородіе! У нихъ, я думаю, ужъ просѣдь пробивается!

Служакинъ. А у тебя ужь нечему и пробиться: все голь да гладь!

Ѳома. Ваше высокоблагородіе, а какъ старая барыня увидитъ нашу батарею,—не миновать намъ баталіи!

Служакинъ. Ну, ну, ну, пожалуйста! Я здѣсь господинъ! и не позволю мудрить надъ собою! Чтобъ я кого побоялся? Нѣтъ, чортъ возьми! Вина! Давай сюда! Хочу кутить!—кучу! Вина! *(За кулисами слышенъ голосъ Глафиры).* Нѣтъ! нѣтъ! постой! *(прячетъ проворно бутылки подъ столъ)* Скорѣй! скорѣй! Здѣсь имъ, голубушкамъ, безопаснѣй.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Глафира Гурьевна.

Глафира Гурьевна. Что это, mon père, вы дѣлаете? Вы ужь, я вижу, немножко аниврировались? Марѳа говоритъ, что вы унесли une douzaine бутылокъ съ погреба.

Служакинъ. Ну что за важность, жизненочекъ! Стараго пріятеля поджидаю! Не сердись, душатка.

Глафира Гурьевна. Comment не сердиться? Вы такъ волонтируете....

Служакинъ. Виноватъ! монъ кёръ! Я знаю, что ты здѣсь главнокомандующій... и одинъ разъ, такъ сказать...

Глафира Гурьевна. Одинъ разъ, mon Dieu! Но douze бутылокъ... вѣдь это по рублю, такъ 12 рублей.

Служакинъ. У насъ часто бываютъ перестрѣлки, позволь же хоть разикъ задать залпъ...

Глафира Гурьевна. Пустяки! пустяки!..

Служакинъ. Къ тому же у меня есть проектецъ. *(Встороиу)* Вверну ей лисій хвостъ. *(Вслухъ)* Адамъ Карлычъ всегда былъ ловкій парень,—усы носилъ въ четверть, а шпоры въ пол-аршина.... и дамамъ такія отпускалъ команву-порте-ву, что только держись.... Для тебя это находка! А? какъ думаешь?

Глафира Гурьевна. Нѣмецъ!—Никогда.

Служакинъ. А ты все еще воркуешь по французикѣ, который тебя бросилъ? Хе! хе! хе!

Глафира Гурьевна. Qui m'a jété! Да! — Я не могу забыть моего aimable! Il m'était par cœur! Онъ былъ мнѣ по сердцу. *(Съ сердцемъ)* Но съ вашей стороны очень неделикатно, что вы упрекаете меня въ благородной страсти къ члену этой великой націи.... и.... и....

Служакинъ. И такъ далѣе! Смотри пожалуй, какъ по-русски заговорила рѣчисто и выговариваетъ такъ чисто!

Глафира Гурьевна. Vousé tes un vaurien! Но гдѣ же бутылки?

Служакинъ *(встороиу)*. Опять за свое! — Бутылки?... Да бутылки... вотъ видишь ли, Марѳа солгала... ихъ не дюжина... а, такъ сказать... *(встороиу)* что сказать? *(слышенъ колокольчикъ и тпру)*. Слава Богу!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Наташа, Аннета, Улитскій *и за нимъ* **Губкинъ** *(въ военномъ сюртукѣ, въ парикѣ съ лысиной, съ большими усами и бакенбардами)*.

Наташа. Папенька! Папенька! Пріѣхалъ! пріѣхалъ вашъ гость.

Служакинъ. Пріѣхалъ! Ура! Бутылки спасены! Гдѣ же, гдѣ онъ?

Губкинъ. Здѣсь! здѣсь! Мой стара друкъ и пріятеля! *(они обнимаются)*.

Служакинъ. Дай-ка посмотрѣть на тебя! Эге-ге-ге,, да какъ тебя скоробило! Старичекъ сталъ, Адамъ Карлычъ.

Губкинъ. И ты не помолодѣлъ! За кадета принять не можна! Э! что, братецъ, года! Только душа будь молодой а прочее—э! А мы съ тобой чай прежніе? а?

Служакинъ. Да, да! мы постарѣли, а остались по старому!

Губкинъ. Браво! А помнишь зимній квартиръ? А хозяйска дочка въ Минскъ? Хе! хе! хе! А заборъ, который мы разбирали, не разбирая погоды... А маленька, карошенка жидовка...

Служакинъ. Штъ! тише! тише! дочка здѣсь... дѣвушка... невѣста...

Губкинъ. А здѣсь дамы... *(охорашивается)*

Служакинъ. Вотъ эта—ничего: это бывалая! Это моя свояченица... рекомендую: Глафира Гурьевна...

Губкинъ *(къ ней подлетаетъ)*. Очень пріятно-съ! Очень радъ! Мое почтеніе!

Глафира Гурьевна. Je suis énchantée, monsieur le major!

Губкинъ. Э! нѣтъ! прошу по русска! Я люблю только французской водка... а парлировать—это не мое дѣло.

Глафира Гурьевна. Le stupide!

Губкинъ. Наступилъ? Bitt'um Verzeihung. Извините Это нечаянно. Гусарская привычка.

Служакинъ. Ѳома! А ты что зѣваешь? Скорѣй столъ сюда, зови людей, подавать! Угостимъ стараго дружка *(Хлопочетъ около стола)*.

Глафира Гурьевна. Le malhonnête!

Губкинъ. Не мало лѣтъ? то есть, не видались-то мы съ нимъ?—Да-съ, съ 1815... посѣдѣлъ пріятеля! Да ужь не молода; я думаю вамъ ровесникъ?

Глафира Гурьевна. Sans aucune politesse!

Губкинъ. Окунь на сковородѣ-съ? А, это отлично: я очень любитъ жареной рыбъ.

Глафира Гурьевна. Il ne comprend rien! Pauvre diable!

Губкинъ. Поваръ-дьяволъ? Вѣрно пьянисъ? Это жалко Ну, а какъ старикъ-то мой поживаетъ? Вы его, я думай, держитъ въ рукахъ?

Глафира Гурьевна. Que manifeste il?

Губкинъ. Въ маѣ ѣздилъ? Далеко ли?

Глафира Гурьевна. Vieux fou!

Губкинъ. Въ Уфу? Зачѣмъ же? Ужь не болѣнъ ли?

Глафира Гурьевна. Vous me fachez.

Губкинъ. Въ умѣ и въ душѣ! Ахъ, за чомъ? Ужь не вздумалъ ли на старости влюбился!

Глафира Гурьевна. Est-il ridicule!

Губкинъ. Купилъ ридикюль? Ого! да онъ порядочна проказникъ, я вижу!

Служакинъ. Полно вамъ тамъ говорить другъ другу комплименты... Садитесь: уха на столѣ.

Губкинъ. А ты, старина, кутишь какъ бывало? Видно и теперь еще водятся за тобой разныя... тово... понимаешь?

Служакинъ. Ха! ха! ха! послѣ! послѣ! Какъ будемъ одни, такъ тряхнемъ старинкой. Эй, Ѳома! вина!

Губкинъ. Ба! да это, кажется, твой стара деньщикъ. Эге братъ, какъ солнышко на тебѣ просіялъ.

Ѳома. Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

Губкинъ. Женатъ?

Ѳома. Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе.

Губкинъ. Что жъ, попрежнему...

Служакинъ *(зажимая ему ротъ)*. Тсъ!..

Ѳома. Не могимъ знать, ваше высокоблагородіе.

Губкинъ. Куликаешь?

Ѳома. Ради стараться, ваше высокоблагородіе.

Глафира Гурьевна. Comme il a les manières *dures*!*)

---

*) Роль Губкина игралъ отлично знаменитый комикъ *Н. О. Дюръ*.

(Всѣ садятся за столъ.)

Служакинъ (*наливаетъ вино*). Въ честь свиданья! Ура! *(чокаются и пьютъ)* Ну, скажи же мнѣ, что у васъ тамъ за ученое собранье въ пользу человѣчества учреждается?

Губкинъ. Ученость его состоитъ въ томъ, чтобъ помогалъ бѣднымъ. Кажется, немудрено? Каждый платилъ 100 рублей въ годъ, а проценты составляютъ ежегодно приданаго для бѣдна дѣвушка, съ тѣмъ, чтобъ маленька ея былъ военна шеловѣкъ!

Служакинъ. Браво! За это выпьемъ!

Глафира Гурьевна. Вы совсѣмъ напьетесь.

Служакинъ. Въ пользу бѣдныхъ, это похвально!

Губкинъ. Ты согласна на нашъ кондиція?

Служакинъ. Еще-бъ не согласенъ! Бомбы и картечи! За честь считаю... сто рублевъ жертвую... Вѣдь я почетный?

Губкинъ. Почетный, и почтенный.

Улитскій. Ахъ, какъ бы я желалъ также попасть въ члены!

Служакинъ. Гдѣ вамъ! Купайтесь въ чернилахъ... А тутъ надо имѣть саблю за храбрость или, по крайности, золотую шпагу. Не такъ ли?

Губкинъ. А какъ же? Такъ ты согласна? Подпиши же обши листъ.

Служакинъ. Подавай сюда. Подмахнусь залихватски! Что-жъ это такое?

Губкинъ. Это рядная для первой невѣста.

Служакинъ. А!—Резонъ! На вотъ!—А? каково завернулъ закорючку?

Губкинъ. Отлично; *(перемѣняя голосъ)* только не совсѣмъ осторожно.

Служакинъ и Глафира Гурьевна. Что это значитъ?

Губкинъ. Это значитъ, что вы проиграли закладъ и подписали рядную вашей дочери, которую имѣю честь и удовольствіе вручить жениху ея. *(Скидаетъ свой костюмъ.)*

Глафира Гурьевна. C'est extraordinaire!

Служакинъ. Кой чортъ!.. Какъ?.. Что?..

Наташа и Улитскій. Батюшка! Вы составили наше счастіе!

Служакинъ. Да что я, постойте! Во снѣ это? или я пьянъ, что-ли?

Губкинъ. Нѣтъ! Это просто значитъ, что дѣло мастера боится.

Служакинъ. Провались ты сквозь землю съ своимъ мастерствомъ! Тьфу! окаянный! Свихнулъ меня на старости лѣтъ... и я, сѣдой дуралей... *(Начинаетъ хохотать и постепенно помираетъ со смѣха; всѣ хохочутъ.)* Ну, дѣло кончено! Ѳомка! Кремань! щелкай пробкой! Хочу нынче быть веселъ, завтра буду бѣситься. За здоровье молодыхъ Виватъ! *(Всѣ пьютъ.)* Ну, вы что скажете Глафира Гурьевна?

Глафира Гурьевна. C'est extraordinaire!

Служакинъ. И только?

Губкинъ. Да здравствуетъ благородное искусство актера!

Улитскій. И всѣ добрыя аферы, какъ нынѣшняя.

Служакинъ. Ну, братецъ! ты насъ и потѣшилъ и одолжилъ! спасибо!

Улитскій. Ты сыгралъ славную штуку и отличную роль.

Губкинъ. Да здравствуетъ театръ!

Всѣ.

Налейте намъ полнѣй стаканы,
Пускай шипитъ и бьетъ Кремань!
Вездѣ преслѣдуютъ обманы,
А онъ насъ спасъ черезъ обманъ.

УЛИТСКІЙ И НАТАША.

Биватъ бенефиціянтъ!
Насъ спасъ его талантъ
И счастье двухъ сердецъ составилъ.

СЛУЖАКИНЪ.

Онъ мастеръ этихъ дѣлъ:
И хоть меня поддѣлъ,
За то отъ глупости избавилъ.

ВСѢ.

Налейте намъ полнѣй стаканы:
Пускай шипитъ и бьетъ Кременъ!
Онъ исцѣлилъ всѣ наши раны,
Какъ хитрый докторъ, чрезъ обманъ.

ГУБКИНЪ.

Теперь бы я желалъ,
Чтобъ каждый здѣсь сказалъ
Свое о шуткѣ мнѣнье!
Но авторъ и актеръ
Въ одинъ вступаютъ хоръ
И просятъ — снисхожденья!

ВСѢ.

Узнайте изъ журнальныхъ строчекъ
Дурны-ль они, иль хороши,
Вы-жъ были веселы часочекъ.
И посмѣялись отъ души

Примѣчаніе.

Авторъ проситъ покорно дирекціи прочихъ русскихъ театровъ, какъ Императорскихъ, такъ и провинціальныхъ, которыя пожелаютъ поставить эту пьесу на своихъ сценахъ, предварительно запастись въ конторѣ С.-Петербургскаго Александринскаго театра партитурою музыки. Слова этой пьески почти нераздѣльны съ музыкою, нарочно аранжированною г. Шнейдеромъ, поэтому во многихъ куплетахъ найдутъ вольные размѣры, не подходящіе подъ другіе мотивы, кромѣ тѣхъ оперныхъ нумеровъ, которые въ началѣ каждаго изъ нихъ означены. Такъ какъ на большей части провинціальныхъ театровъ опера *Робертъ* неизвѣстна, то сцену изъ этой оперы можно замѣнить сценою изъ той оперы, которая наиболѣе въ ходу на томъ театрѣ.

Въ послѣдней сценѣ, на стран. 282, когда Служакинъ узнаетъ, что онъ обманутъ, послѣ словъ: *да здравствуетъ благородное искусство актера*! вкладывается на С.-Петербургской сценѣ музыкальный попури. Онъ можетъ быть пѣтъ и выпущенъ, по усмотрѣнію. Вотъ онъ:

Служакинъ. Садитесь! Вина, пѣсенъ и веселья!

Дружно, братцы, веселую
Грянемъ пѣсню въ добрый часъ!
То-то люли! То-то люли!
То-то люшиньки мои!

Глафира Гурьевна.

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ!
Не входи, родимушка,
Попусту въ изъянъ!

(Или).

Partant pour la Sirie,
Le jeune et beau Dunois
Alla prier Marie
De benir ses exploits.

Губкинъ (*изъ Жизни за Царя*).

Этимъ днямъ не стоять
Безотходно!
Пролетитъ, промелькнетъ
Наше время...
И какъ разъ подоспѣетъ
И мой срокъ къ службѣ царской...
Я готовъ хоть куда, только дайте
Мнѣ мѣстечко!

Наташа и Аннета.

Ужь мчится тройка удалая
Вдоль по дорожкѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ, качаясь подъ дугой!

Всѣ.

Дружно, братцы, веселую и т. д.